

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 56 (2371)

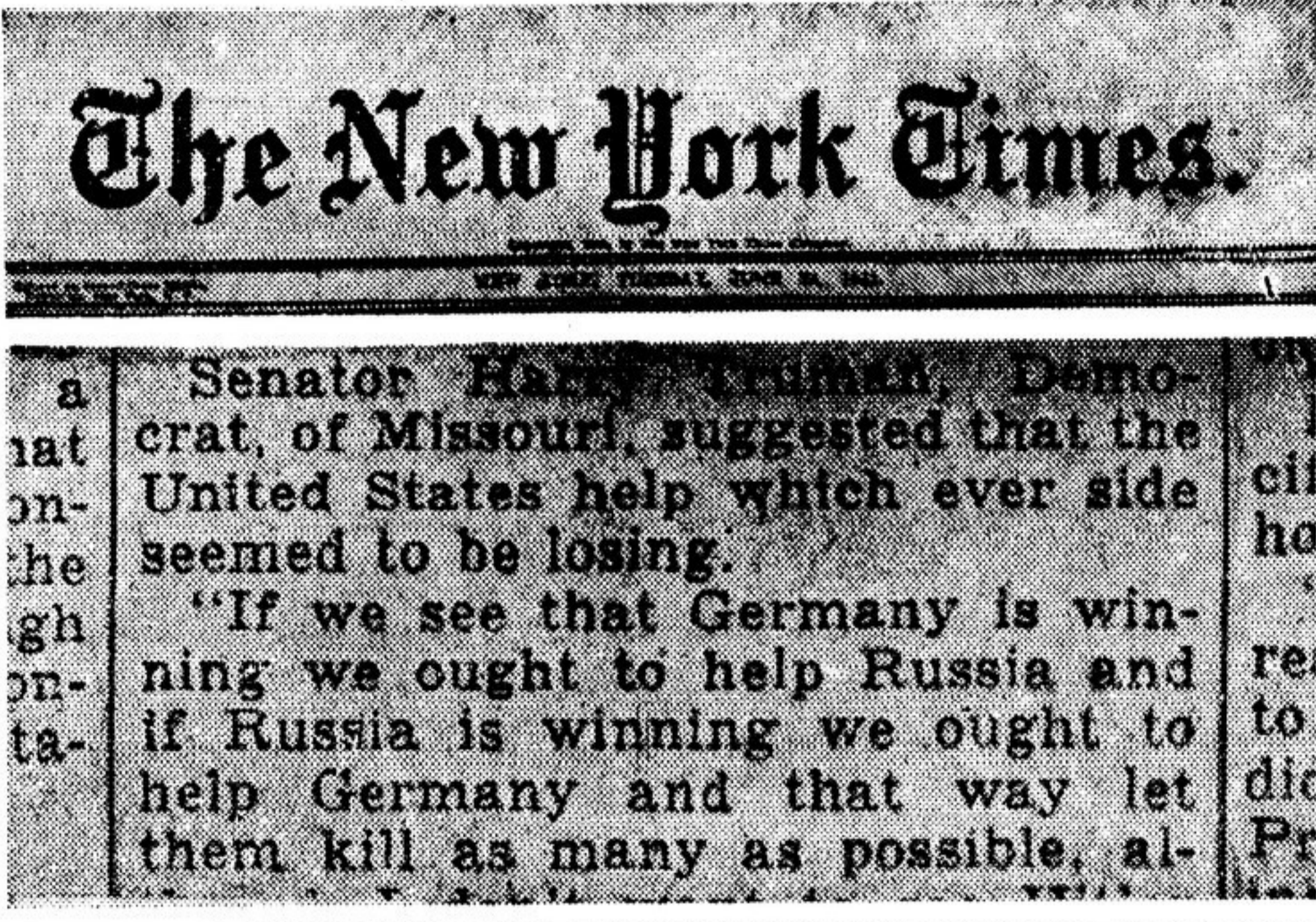
Среда, 19 ноября 1947 г.

Цена 40 коп.

Короткая память Гарри Трумэна

Вячеслав Михайлович Молотов в своем выступлении на торжественном заседании...

заявил, что когда он сказал об этой цитате президенту, последний ответил, что он...

А. МАРЬЯМОВ

В одном округе

Корабль в море штурман прокладывает путь по светилам. Путь в незнакомом лесу...

И вслушавшись в самые слова этого рассказа, сравнил их с теми словами, которыми мастер рассказывает о сегодняшней своей работе...

из главных свидетельств ее зрелости, сверлошник изобретает цехи, тем же Соколов говорил о том факте, что Е. И. Егоров...

На фронтах национально-освободительной борьбы

ВЬЕТНАМ

Окончание сезона дождей ознаменовалось возобновлением военных действий в северной части Вьетнама.

Несмотря на упорное сопротивление войск Вьетнама, французам удалось достичь некоторых успехов в Тонкине.

В ответ на новое наступление французских войск в северном Аннаме Хо Ши-мин призвал все население Вьетнама к борьбе...

В районе Бак-Кана французским войскам удалось соединиться с отрядами парашютистов.

На северо-востоке от Ен-Бая французы, продвигаясь к городу Туен-Куанг, были атакованы вьетнамцами.

По сообщению агентства Франс Пресс, в официальных кругах считают, что значительная часть Тонкина находится под контролем французских войск.

В Кохинчине вьетнамцы усилили активность. Вблизи Го-Конга и в других районах происходили частые столкновения войск Вьетнама с частями французской морской пехоты.

А. Первенцев — кандидат в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся

В переполненном зале Центрального дома литераторов состоялось общее московское собрание писателей, посвященное выдвижению кандидатур в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся.

В КАФЕШАНТАНЕ УОЛЛ-СТРИТ

10 мая 1919 года в Москве состоялся первый «коммунистический субботник». После рабочего дня мастера раздали задания нескольким десяткам — их было в тот день еще меньше ста человек!

ВЫСТУПЛЕНИЕ МОДНОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ШАНСОНЕТКИ.

Требуем уголовного суда над поджигателями войны!

«АТОМНАЯ» НЕЧИСТЬ ПОД ЛУЧОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРОЖЕКТОРА.

Рис. Бор. ЕЖИМОВА.

Генеральная Ассамблея организации Объединенных наций в своей резолюции от третьего ноября 1947 года осудила пропаганду войны. Сегодня мы печатаем материалы о провокаторах, продолжающих пропаганду войны и после решения Политического комитета и Генеральной Ассамблеи ООН.

Черные дела поджигателей войны еще раз подтверждают, что Генеральная Ассамблея ООН должна не только осудить пропаганду войны и агрессии, но и потребовать создания в каждой стране специального трибунала, который карал бы всех, кто пытается провоцировать новую войну.

Мы считаем, что не только суд общественности, но и уголовный суд должен карать врагов мира, врагов человечества.

Мы требуем уголовного суда над ними!

★ ★ ★

А. ТРАЙНИН,

член-корреспондент Академии наук СССР

СВОБОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

После второй мировой войны политическая ответственность народных масс в такой мере выросла, что в настоящее время без идеологической маскировки ни одна пропаганда проводиться не может. Поджигатели войны поэтому также притупляют на «идеологическое» обоснование безалаберности военной пропаганды. Для этой цели они бесцеремонно совершают политическое переопределение: ридятся в тогу борющихся демократии и антифашистов демократических свобод. Совершая это переопределение, они лукавят в оборот утверждение о том, будто, не нарушая основ демократии, свободы слова и свободы печати, нельзя карать тех, кто призывает к новой войне. Свобода печати, оказывается, препятствует борьбе с поджигателями войны! Демократия мешает миру! Эта клевета на демократию находится в прямом и явном противоречии с действительностью.

Конечно, человечество обязано слову гитлеровских достижений. Но из того факта, что в слове созданы бессмертные литературные ценности — творения Толстого и Шекспира, Золя и Джека Лондона, — никак еще никогда и нигде не делал вывод о том, что слово вообще не может стать и орудием преступления, что оскорбления, клевета, призывы к убийству не могут нести людям смерть. Политическая правда заключается в этом: подобно тому, как свобода совести не означает свободы организации бандитских шаек, как свобода собраний не состоит в том, чтобы толпы собирались для учения погромов, как свободой слова нельзя оправдывать площадную ругань, а свободой действий — право на убийство, так и свобода печати не состоит в праве на пропаганду преступлений. Всегда и всюду закон борется и должен бороться — во имя подлинной свободы слова, во имя подлинной свободы печати — о преступном использовании этой свободы, со злоупотреблением вышкими благами демократии. Только торжество идей и демократии «свободами» могут раскусить клевету. Демократия чужда свободе преступлений.

Апелляция к свободе печати во имя безалаберности преступлений оказывается особенно живой, когда речь идет о пропаганде агрессии. Необходимо иметь в виду, что пропаганда агрессии — это не только призыв к преступлению. И устав Международного военного трибунала по делам главных военных преступников, судившего главарей гитлеровской Германии, и устав трибунала, заседающего ныне в Токио, предусматривают в качестве самостоятельного преступления подготовку агрессии. Между тем, пропаганда агрессии есть одна из форм, — и притом весьма опасных форм, — подготовки агрессии.

Поэтому оставить безалаберной пропаганду агрессии означало бы на деле оставить безалаберным использование одного из опасных методов практической подготовки агрессии.

Во всех уголовных кодексах мира подстрекательство к преступлению является наказуемым действием. Болгарский уголовный кодекс (ст. 172) карает того, «кто непосредственно призывает к совершению преступления путем публичного воззвания перед собранием или путем распространения или публичного выставления художественных или печатных произведений». Швейцарский кодекс 1937 года в ст. 259 предписывает: «Его будет публично призывать к совершению преступления, наказуется как тяжкой тюрьмой до трех лет или тюремным заключением».

Итак, призыв к грабежу, призыв к убийству, жертвой которого может стать один человек, является общепризнанным и бесспорным преступлением. В таком случае, какова правовая ценность и моральная чистота утверждения, что призыв к убийству миллионов, призыв к агрессии должен оставаться безалаберным? В результате второй мировой войны, по данным американской статистики, погибло 32 миллиона человек. Для захватчиков поджигателей войны, видимо, недостаточно перекопавших тысяч жертв, поэтому они считают, что договорившись войны не должны быть заклеены и наказаны.

Однако вопреки всем ухищрениям поджигателей войны идея уголовной ответственности за пропаганду агрессии наша пропаганда в международных актах и резолюциях, авторами которых являлись отнюдь не меньше уважаемые и свободные

Л. СЛАВИН Три провокатора

Те самые дни, когда организация Объединенных наций принимала резолюцию, осуждающую пропаганду войны, господин Спрюэнс счел самыми подходящими для того, чтобы выступить с речью, которая является не чем иным, как пропагандой войны.

Г-н Спрюэнс не может оправдываться своей неграмотностью. Он — адмирал, и хотя американские адмиралы не блещут грамотностью, все-таки они должны уметь читать.

Не может послужить г. Спрюэнсу оправданием и то обстоятельство, что речь эту он произнес на завтрак, устроенном в связи с празднованием дня флота.

Мы не знаем, сколько виски было поглощено за этим военно-морским завтраком, но г. Спрюэнс совершенно черомерно заявил, что не считает возможным урегулировать советско-американских разногласий.

Пример такой же человеконенавистнической пропаганды дает и статья, появившаяся в эти дни в американской газете «Дейли миррор».

«Дейли миррор» значит в переводе: «Ежедневное зеркало». Давно уже это хертовское зеркало похоже на те выпуклые и вогнутые зеркала, где вместо нормальных человеческих лиц мелькают фантастические изображения, искаженные суровой клеветой и магией убийства.

На этот раз «ежедневное зеркало» продемонстрировало весьма мало привлекательные черты г-на Каннона, члена Палаты представителей от штата Миссури, где суд Лича, как известно, уважают больше, чем резолюцию ООН.

«Россия», — авторитетно заявляет г. Каннон, — несомненно, подготавливает нападение на Соединенные Штаты, аналогичное нападению на Пирл-Харбор...»

И дальше, после утверждения, что Советский Союз еще не полностью готов к войне, Каннон пишет: «В противном случае я убежден, что Советский Союз предпринял бы нападение в ближайшие тридцать дней...»

На всякого здорового человека эти слова, как, впрочем, и вся статья, производят впечатление клинического бреда. Но г. Каннон не сумасшедший. И не на почтение родственников надо его отдавать, а предать уголовному суду, как злостного, профессионального и преступного поджигателя новой войны.

И заодно с ним — адмирала Спрюэнса, а также автора статьи, помещенной в журнале «Юнайтед нэшнлс уорлд», отставного контр-адмирала Захараса.

Ну, и адмирал нынче пошел в Америке! Один, голтуху виски, захотел закупить Советским Союзом. Пресыщенное воображение другого уже не удовлетворяется теми картинками разрушений, которые может причинить атомная бомба. Ему хотелось побольше! Он сладострастно смакует чудовищные планы бактериологической войны, указывая, что Соединенные Штаты, помимо обладания атомными бомбами, имеют также средства биологической войны, дающие возможность вести войну между континентами на расстоянии и «стереть с лица земли последние остатки человеческой, животной и растительной жизни...»

Как и многое из того, что публикуется в американской прессе, все это похоже на занесенный сумасшедшего. Но и адмирал Захараса не сумасшедший. Это вполне здоровый, нормальный и хорошо инструкторный поджигатель войны, по которому тоскует сямья подсудимых.

И. ЗВАВИЧ

Буллит не унимается

Американский военно-политический разведчик Буллит не унимается. Он вновь призывает к войне против СССР.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, в которой содержится торжественное осуждение пропаганды поджигателей войны, не произвела на Буллита, видимо, никакого впечатления. Да и как можно было бы ожидать много, если Буллит продолжает в Соединенных Штатах самые широкие возможности для того, чтобы повторить свои призывы к третьей мировой войне!

Буллит был приглашен для участия в «радиодискуссии» по вопросам внешней политики Америки. Его выступление транслировалось по радио из Нью-Йорка на весь мир.

Приемы Буллита неизменны. Вначале идет клевета. Буллит начинает с живых обвинений Советского Союза в захватнических стремлениях. Он нагло заявляет, что СССР намеревается «заковать весь земной шар».

Буллит знает, однако, что его клеветы могут не поверить даже самые простодушные обыватели в Америке. Поэтому далее следует разговор, но разговор весьма характерный.

Буллит утверждает, что советское правительство «не осмелевает рисковать», начав войну против США теперь же». И тут же он стремится вызвать и разжечь у

Николай ПОГОДИН ОН—ТОТ!

Мы хорошо знаем, как начинаются биографии военных преступников. Они, эти биографии, не имеют сложных эволюций и идут по прямой от начала до конца. Гитлеровские военные преступники еще в мионенских ливнях откровенно и скандально старались зарекомендовать себя, объявляя во всеуслышание, на что они способны. С каннибальской пропаганды массового человекоубийства началась подготовка несмысленного преступления против мира.

Генерал-лейтенант английской армии Мартел, возможно, позабыл биографии военных преступников, хотя ныне генералы в этих биографиях видят свой жизненный идеал. Но когда генерал Мартел начинает говорить, предносится аудитории то же в точь каннибальские идеи массового человекоубийства, перед нашими глазами встают мрачные тени повешенных в Нюрнберге военных преступников.

Генерал Мартел был главой английской военной миссии в Москве. Но безнадёжно говорить о совести и чести с людьми, которые спешат сейчас «зарекомендовать себя, показать, на что они способны». Здесь спрос и предложение идут рядом. Вот как рекламирует себя вышеупомянутый генерал:

«Если бы Россия, — заявил он, — выступая в Ротарианском клубе в Булавой (Южная Родания), — предложили на выбор: уйти из... европейских стран или подвергнуться бомбардировке атомными бомбами, то русские ушли бы оттуда без

вои. Русские понимают такого рода разговор...»

Знакомый голос... В недалеком прошлом подобным способом пытался разговаривать с русскими Гитлер. Всем известно, как сумел ответить великий советский народ беспомощному эфрейтору.

Но дело тут не только в предельно развязных и наглых поучениях Мартела.

Важнее всего генералу Мартелу заявить перед общезвестными реакционными кругами:

— Я тот!..
Важно заявить ведем, что атомная война не кажется английскому генералу чудовищным преступлением против человечества. Зверная сущность этой античеловеческой пропаганды состоит в том, чтобы атомное оружие ввести в круг обычных и общих понятий о войне.

Тщетно в зоологическом мышлении искать чувства реального. Мы считаем нежизненно важным говорить генералу Мартелу о том, как он ограниченно самонадеян. Мы с презрением отмечаем заносчивость всех и всяческих «атомщиков». Но если на наших глазах начинаются биографии военных преступников, то мы будем неумолимо призывать всех истинных, всех прогрессивных людей мира требовать суда над новыми поджигателями войны, которые откровенно обещают сейчас превзойти в варварстве своих предшественников. К счастью, народы мира сильнее поджигателей войны и оторвут их со своего пути.

Б. РОЗАНОВ ВРАГИ МИРА

В кабинетах и коридорах государственного департамента США попрешнеем нахлест гарию. Речь идет отнюдь не о курьезных традиционных «трубки мира», а об американских дипломатах, которые не перестают размахивать флагом третьей мировой войны.

В числе этих поджигателей мы видим и помощника государственного секретаря по политическим делам Армора, который счел необходимым на-днях обратиться к банкирам и промышленникам Детройта с горячим призывом поддерживать внешнеполитический курс Трумэна — Маршалла.

Видимо, мистер Армор когда-то и где-то краем уха слышал известное изречение Талейрана: «Дипломату язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли». Однако из неуказываемых попыток Армора сделать этому проверенному совету ровно ничего не получилось. Начав свое выступление с довольно откровенных антисоветских выпадов, он прямо объявил присутствующим, что правящие круги США не хотят и не могут «всегда жалеть и плакать по тещинку до тех пор, пока вопрос не будет поставлен перед нами на полях сражений или в форме Пирл-Харбора». Иначе говоря, мистер Армор предпочитает, чтобы США сами заблаговременно проявили «превентивную» инициативу и, двигаясь против течения, то-есть против воли миролюбивых народов, поставили возможно быстрее «вопрос на полях сражений», иначе говоря, развязали третью мировую войну.

При этом Армор намекает, что в Европе уже есть какие-то «свободные народы», которые «борются за наше дело» и которые, следовательно, как ему кажется, легко удастся превратить в пушечное мясо американского империализма.

Хотя мистер Армор старался скрывать свои мысли и все время жонглировал ту-

манными оборотами и всяческими инсинуациями, — цветы его красноречия все же были очень сильно опалены флагом запрещения поджигателя войны.

Тем не менее, если смысл речей Армора кому-нибудь покажется недостаточно ясным, мы готовы порекомендовать в качестве исчерпывающего комментария к его выступлению доклад одного из виднейших американских промышленников, главы крупной фирмы «Джонс Менвилл компания» Брауна. Ибо, что у дипломата было на уме, то у промышленника оказалось на языке.

Свой доклад мистер Браун поместил не в альбом генералу Маршаллу, а послал его для сведения и руководства комплаушему американским войскам в Германии генералу Клею. И в этом своем докладе мистер Браун с удовлетворением поставил в известность генерала Клея о нижеследующем:

«Мы скоро будем располагать базисом в Греции, Турции и т. д., с которых мы сможем бомбить «мягкую подбрюшную часть» России и почти все ее важнейшие города с довольно короткого расстояния».

Столь откровенное заявление Брауна важно не только само по себе; оно сразу дает также представление о том, какие именно «свободные народы» имеет в виду мистер Армор, когда вслух мечтает о перспективе третьей мировой войны.

Если учесть, что Браун составил свой доклад не в порядке какого-нибудь экспромта, а на основе консультаций с видными представителями государственного департамента и военного министерства, то преступность его намерений и наказуемость его рассуждений станут еще более очевидными и неоспоримыми.

Позтому и «план Маршалла» он понимает как средство «перекупить» Европу, Ближний Восток и Китай, как средство мобилизовать силы против Советского Союза. Буллит выражает опасение, как бы Соединенные Штаты не остались в будущем одни во враждебном им мире. «Война теперь, — не то будет поздно», — такова точка зрения Буллита.

Так с помощью лжи и клеветы Буллит попрешнеем провоцирует войну. Но Буллит не только разведчик (пусть это главная его специальность); он также в недалеком прошлом дипломат, администратор и консультант государственного департамента.

Мы видим, что решения Генеральной Ассамблеи ООН не обязательны для лиц, занимающих такое положение, как Буллит.

И если Буллит имеет основания не бояться упреков со стороны своего бывшего начальства — ведь он действует по указке сверху, — так пусть он опасается суда над поджигателями войны. Будет суд!

В. СТАМБУЛОВ

Уголовники из Анкары

Найдется не много стран, где пропаганда третьей мировой войны послала бы и сейчас столь разнузданный и омерзительно-попный характер, как в Турции.

Достаточно взглянуть на последние номера турецких газет, чтобы убедиться в том, как мало склонна Турция считаться с решениями ООН. 3 ноября, в тот самый день, когда 57 государств осудили всякую пропаганду войны, турецкая газета «Тангин» вышла с очередной статьей Ячича, где этот сорвавшийся с цепи кровожадный маньяк продолжает как ни в чем не было призывать к войне против СССР. Чистоплотность и уважение к печатному слову не позволяют нам цитировать всю ту гнусную площадную брабань по адресу советского народа, какой сопровождается эти призывы.

Было бы, однако, заблуждением полагать, будто эта статья появилась лишь в силу «закона инерции» и что она могла быть напечатана исключительно потому, что резолюция Генеральной Ассамблеи «еще не дошла до Анкары». 6 ноября Ячич выступил с новой статьей, где он изрек, что «наступает время удалить большевистский нарыв». В тот же день «Джумхуриет», не без основания прозванная турками во время войны «дворцом Гоббелса», со своей стороны разразилась на редкость злобой антисоветской статьей. Только что появившийся на свет жалкий листок «Тюрк пессив» также напечатал статью, где говорилось: «Мы требуем мобилизации, ибо мы переживаем самые ужасные дни истории. На нас покушается Россия с одной стороны, Болгария — с другой... Правда, автор лицемерно оговаривал, будто он имеет в виду не мобилизацию армии. Но подобная оговорка по меньшей мере смешна. Всем известно, что после войны Турция не демобилизовала своей армии и продолжает и поныне держать под ружьем почти миллион солдат. В этих условиях выдвигаемый газетой лозунг «моральной мобилизации» нельзя расценить иначе, как подстрекательство к скорейшей агрессии».

Газета «Тасвир» от 11 ноября идет еще дальше. Принимая свой бред за действительность, она пытается убедить читателей, будто «между СССР и США война уже фактически началась». Статья прямо озаглавлена: «Чтобы выиграть войну, надо оказать помощь Европе». Аппетиты турецких милитаристов разгорелись от недавней американской помощи. Не только не пострадала, но и нажившилась на войне турецкие реакционеры жалко протягивают руку за новой порцией долларов. Они боятся, что при распределении «помощи» среди 16 государств, окружающих пьезастат американского золотого тельца, на их долю придется слишком мало. Поэтому автор статьи в «Тасвир» убеждает Вашингтон не скупиться на ассигнования. «План Гарримана», — указывает он, — должен быть осуществлен с той же смелостью и энергией, как в лиз-лиз, ибо нет иного средства выйти победителем из войны».

Странно было бы привести еще ряд подобных выдержек, уличающих турецких поджигателей войны в том, что они заведомо игнорируют решение ООН. Но мы и так оказали слишком много чести граням турецким писакм, литвура и их горчичные выступления, вдохновляемые перспективой получения лишней горсти долларов. Завладев лишь вопросом: какое доверие и уважение можно попытаться к политике правящих кругов Турции, если после того, как ее представитель голосовал в Нью-Йорке за резолюцию, осуждающую пропаганду войны, турецкая печать продолжает творить свое черное дело? Пусть только в Анкаре не складывается «из оправдание» на пресловутую «свободу печати». В Турции печать прочно закованана в цепи. В добавление ко всем полицейским законам существует еще острое положение, позволяющее закрыть любую газету на любой срок. Лишь недавно с трибуны меланхолично было сделано никем не опровергнутое заявление о том, что «законы о прессе при Оттоманской империи гарантировали большую свободу слова, чем теперь». Если после решения Генеральной Ассамблеи пропаганда войны продолжается с неослабной силой в турецкой печати, то это можно объяснить лишь тем, что правящая турецкая клика с абсолютным пренебрежением относится к международным резолюциям, даже когда сама Турция голосует за них.

Липшим подтверждением этому служит тот знаменательный факт, что после ухода в отставку редактора «Латус» Атая на его пост выдвинуты в качестве кандидатов два самых злостных поджигателя войны: Ячич, додумавшийся до требования «повестить атомную бомбу на стол конференции» и «снизить эффективность атомного оружия» на мирных советских и болгарских городах, и Нихат Эрим, писавший еще в прошлом году, что «хорошая дельца погода наступит лишь после осежающей бури третьей мировой войны».

Из всего этого можно сделать лишь одно заключение: турецких поджигателей войны надо судить.

ВЛАСТЬ СВЕТА

Наша литература активно воздействует на жизнь, на читателя. Бесстрастный объективизм изложения, где автор умышленно остается в стороне от событий и страстей, разрывающихся на страницах его книг, чужд нашей литературе. Все чаще мы встречаемся в ней с интонациями ораторских, вторгающихся в повествование, решительно обозначающих авторские симпатии и антипатии. Такова ораторская интонация Маяковского, таков взвешанный голос Фадеева, любовно и романтически воспевающий доблесть молодых героев народа, хорошо слышный в хоре звучных голосов его героев — «молодогвардейцев». И лучший советский писатель для детей — Аркадий Гайдар смело вмешивался в разговор собственных маленьких героев с такими же юными читателями. Он никогда не прикидывал себя, не ставился на колени, чтобы быть «на одном уровне с ребенком», не навязывал ему своих назиданий, а бережно поднимал маленького читателя на высоту собственного роста и давал ему возможность отсюда, сверху, увидеть многое из того, что ни сам герой, ни маленький читатель не могли бы увидеть без помощи писателя.

И нарочно привел здесь имена авторов, совершенно несхожих друг с другом по стилю и манере, чтобы показать, что есть в них какая-то внутренняя, особая советская повелка, объединяющая самых различных писателей советской эпохи. Это не обезличка, не нивелирование творческих индивидуальностей, о которой боятся некоторые зарубежные критики. Это голос идейного, прекрасного единства нашего народа. Это голос, убежденный в торжестве правды, властным своим светом оазаряющий тридцатилетний путь, пройденный нашей страной, и необоримое ее будущее. Именно эта воинствующая и жизнеутверждающая власть света противопоставлена нашей литературе той изменчивой власти тьмы, которая поднимает себе много издавая зарубежного книжного рынка.

Властная сила нашей общей правды, во имя которой мы живем, работаем, пишем, проповедаем через границы и океаны, и мы даже сами часто не ведем, какое впечатление производит там самые скромные наши писатели, если только они сорваны чистым светом советской правды. И припомню наш разговор с Ромоном Ролланом на даче у Горького. Роллан рассказывал, что он переплетал в ряде левых французских газет наши небольшие рассказы, взятые им из «Известий» и разных журналов. И когда мы приехали, что не считали эти свои рассказы особенно удачными, Роллан, весело и светло взглянув нам в глаза, сказал:

— Как вы еще молодые! Вы еще сами даже не знаете, что придает значительность вашей литературе. В ваших рассказах столько светлого простора, люди в них движутся так свободно, без тени принуждения... Простота их поступков, не стесненных узостью старого уклада, кажется вам уже привычной. А нам это открывается очень много нового. И очень хорошо, что вам все это так просто кажется обыкновенным. Это, значит, самым правдой нашей жизни.

И не раз, встречаясь где-нибудь за рубежом с хорошо знакомой советской книгой или кинокартиной, мы вдруг, рассматривая из других глазами — «глазами отсюда», сами внезапно поражаемся и заново радовались силе правдивого и прекрасного света, исходящего из этих произведений советского искусства.

Я помню, как осенью 1936 года части коммунистического 5-го полка демократической армии Испанской республики смотрели перед отправкой на фронт наш кинофильм «Чапаев». Зал кинотеатра в Валенсии был переполнен вооруженными людьми, слышавшими в винтовках, гитарах и вещевых мешках, с клетчатыми одеялами, сложенными на коленях или перекинутыми через плечо. Восторженно встречала бойцы республиканские появление нашего Чапаева на экране. Но когда под сухой треск барабана двинулся по экрану белоодевые цели «калпедеев», начиная знаменитую пехотную атаку, в зале поднялось нечто необразимое. «Ах!.. Долой, к черту их!» Хватит у нас этой сволочи. Фашисты! Не хотим смотреть!» И в экран полетели горки апельсинной, жевательной бумаги, все, что летит обычно в неудачного тореадора на «Пласа де Торос».

Дали свет, и перед экраном появился директор кинотеатра, маленький добродушный мшапек, с сигаретой за ухом. — Компаньерос! — обратился он к залу. — Я вас прошу: потешите минуточку. Дайте мне честное слово, я сам видел эту картину. Только минутку!.. Потешите! На сейчас же уйду!

Опять потушили свет, и слова двинулись по экрану кашпелевым. Зал прыгнул рычал от ярости. Но когда Анка-кудеметича очередь из своего пулемета пошла копать белоодевые цели, все в зале всколыхнулось. «Виве ли мухер русал! Да здравствует советская женщина!» И снова пришлось дать свет в зал, потому что все собравшиеся устроили овацию единственной женщине, присутствовавшей в зале. То была буфетчица нашего корабля Тая Бошманова, представлявшая в ту минуту здесь всех советских женщин, как представляла собою славную боевую историю Красной Армии легендарный описанный Фурмановым и сыгранный Бабочкиным Чапаев.

А потом показывали «Мы из Кронштадта». Я люблю этот страстный, энергичный, подлинно революционный фильм, с его балтийским размахом, с яростным суровым диалогом, свойственным Випенскому. Мы все много раз видели эту картину у себя дома. Но то, чему мы стали свидетелями в валенсийском кино, я отнесу к самым сильным впечатлениям, которые мне когда-либо довелось пережить. Вы помните тот момент, когда балтийский комиссар, такой штатский с виду человек, посланный партией на фронт, к морякам, встает под огнем наступающих пехоты и пытается поднять в атаку залегших матросов. Но огонь противника прижимает всех к земле. И тогда комиссар говорит: «Коммунисты, за мной!» И поднимаются в разных местах пехоты матросы-коммунисты и идут за своим комиссаром, который в эту минуту громко заявляет «Интернационал»...

Я разом с нами сидели солдаты Испанской республики. А с экрана, сквозь дым, сквозь страшнейшие разрывы, шел как бы прямо в зал наш балтийский комиссар и пел: «Вставай, проклятем заклейменней, весь мир голодных и рабов...» И едва запел на экране балтийский комиссар, как сотни людей вокруг нас вскричали, поднимая вверх старые кулаки салютом народному фронту, и засели, как один человек, «Интернационал». Комиссар пел по-русски, зал отвечал ему в такт на своем родном испанском языке, а мы стояли с нашими моряками и плакали без стеснения, даже не пытаясь удержать слез, дивясь великой силе нашего боевого правды-любивого искусства.

А разве забудешь когда-нибудь, как принимала югославская молодежь слово Маяковского, надеянное чудотворенной и повелительной властью света!

В 1945 году я делал доклад о жизни и творчестве Маяковского в большом зале «Русского дома» в Белграде. После выступления Радована Зогочича, прочитавшего прекрасные переводы из Маяковского, ко мне, у выхода из дома, подошел ожидавший меня там высокий человек в форме офицера югославской армии. Он крепко пожал мне руку. А потом спросил взволнованно и неуверенно: «Друже! В 36 году не вы были на теннисе «Бомомоно»? Помните... Валенсия... Я тогда был в Сербском батальоне Интернациональной бригады, помните? Смотрели вместе в кино «Чапаев». Потом говорили о Маяковском... Ваши моряки звали меня шутом «братиска»...»

Да, я вспомнил и узнал нашего «братиска» в строгом, подтянутом офицере югославской армии. И подумал я, что на повелительный голос революционного советского искусства откликается все самое доброе, чистое и смелое на свете!

А потом мы шли все вместе, студенты Белградского университета, девушки и юноши в партизанских комбинезонах с красными звездами, офицеры и солдаты югославской армии и — чуточку в стороне, но стараясь не отстать и понасть в ногу — неуверенные молодые люди, — детки русских эмигрантов, снова в этот вечер с горстью побуждавшие себя русскими. И все мы вместе, шагая в ногу, громко — на всю улицу Краия Мизана — читали «Девый марш». И густо валила какой-то очень русский снег. И несколько непрерывно звучащий по-сербски стих Маяковского погромывал в лад дружескую шагу, шагу нашего большого времени.

А потом мы шли все вместе, студенты Белградского университета, девушки и юноши в партизанских комбинезонах с красными звездами, офицеры и солдаты югославской армии и — чуточку в стороне, но стараясь не отстать и понасть в ногу — неуверенные молодые люди, — детки русских эмигрантов, снова в этот вечер с горстью побуждавшие себя русскими. И все мы вместе, шагая в ногу, громко — на всю улицу Краия Мизана — читали «Девый марш». И густо валила какой-то очень русский снег. И несколько непрерывно звучащий по-сербски стих Маяковского погромывал в лад дружескую шагу, шагу нашего большого времени.

А потом мы шли все вместе, студенты Белградского университета, девушки и юноши в партизанских комбинезонах с красными звездами, офицеры и солдаты югославской армии и — чуточку в стороне, но стараясь не отстать и понасть в ногу — неуверенные молодые люди, — детки русских эмигрантов, снова в этот вечер с горстью побуждавшие себя русскими. И все мы вместе, шагая в ногу, громко — на всю улицу Краия Мизана — читали «Девый марш». И густо валила какой-то очень русский снег. И несколько непрерывно звучащий по-сербски стих Маяковского погромывал в лад дружескую шагу, шагу нашего большого времени.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ПЛАКАТЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОТКРЫТКИ

Государственное издательство «Искусство» выпускает к выборам в местные Советы депутатов трудящихся свыше тридцати многокрасочных плакатов общим тиражом в шесть миллионов экземпляров и серию художественных открыток.

Авторы плакатов и открыток — художники Н. Васильев, Л. Голованов, А. Кокоркин, В. Корецкий, И. Тондза, В. Говорков, Н. Пономарев, Н. Шеберстов, В. Ливанова, Б. Мухин.

НА СНИМКЕ: плакат работы худ. Л. Пономарева.

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Он верил в нас

Люди, я любил вас! Будьте балтийцы! Юлиус ФУЧИК.

1. Он вас любил! Вы слышите, живые! Он вас любил. И в свой последний час На мир глядел он, как глядел впервые. — Не отрывай восхищенных глаз.

Самлет! Птицы. Поднимались травы. Дрозды в реке, дрожали купола. И лодка по закатным волнам Ватавы Меж облаков, как по воде, лыла. Теснело...

На дачах изучен. Ловил он воздух владетельным ртом. Лодка возил его во Праге. Велер.

Клубился в полусвете золотом. Родных каштанов угасали свечи.

Да, он любил. И думал он о том, Что где-то в пыльной духоте поспал В краю друзей, в такие вечера Шагает в рог под пудами свобода И похлещет братское «Ура!»

И, обнимая сердцем коммуниста Просторы братства, Тысячи сердец, Он снова шел на пытку, Как на приступ Идет немужествой боем.

2. Где бы ни был ты, вчитайся в книгу эту Среди трудов, среди горячих дел. Из душеубок, из вечерних гетто К нам этот ясный голос долетает. Из праха возмечает он, из пелла, Из рвов заросших, из дымчатой тьмы, Чтоб счастье, с бою взятое, окрело, Чтоб зоркости не утерали мы, Чтоб снова по дымчатому следу, На свежих шрамах выжженной земли, Затнись сияние мира и победы, Убийцы по планете не яшлись, Чтоб кровь друзей, что пролита безмерно, Не попусти вытаскала в мар земной, Чтобы в асфальте Шестое чувство — Верность — Руководило и тобой, и мной.

3. Он так писал, прямой и прозорливый, Как будто видел вдалеке, в дыму В колды атолла взрывные взрывы И Грешно, что брошена в торжло. Так он писал, пока не затнло Биение в пылающих висках. И в камере для смертников возникло Бессмертие...

В разрозненных листках Плустирует несомненная правда. Стучатся строчки в честные сердца.

Он вас любил — их неподкупный автор. Он вас любил, живые, до конца. И, к подвигу последнему готовясь, Он видел свет, заблуждений во мгле.

И эта повесть нашего, как совесть Всех, кто стремится к правде на земле.

Книга должна быть красивой, прочной, радующей глаз!

Вывести полиграфическую промышленность в число передовых отраслей народного хозяйства!

Ежедневно почта «Литературной газеты» приносит многочисленные письма читателей с жалобами на плохое оформление книг, на тусклую печать, иллюстраций и текста, негодные переплеты, плохую брошюровку и т. д.

Письмо работников полиграфического производства тт. Шурушалина и Шехобалова заслуживает особого внимания. Старые мастера поднимают вопрос о качестве красок. Заводы, выпускающие краски для типографий, должны давать хорошую продукцию, которая могла бы обеспечить отличную печать, а не портила книгу. Стядно в наши дни выпускать такую краску, какую сегодня поставляют любой типографии ее поставщики!

Письмо читателя из Иркутска — серьезный упрек, адресованный издательствам. Нельзя мириться с тем, что книга, которую так ценят и любит советский человек, в результате халатности и безответственности превращается в макулатуру!

Во многих письмах, поступающих в редакцию, говорится о плохой подготовке кадров мастеров печатного дела и квалификация специалистов. Жалуются читатели на недостаточное внимание к рационализаторам и изобретателям полиграфической промышленности. Сообщают авторы писем и о том, что полиграфическое машиностроение еще не в полной мере отвечает потребностям и запросам типографий, и т. д.

Редакция «Литературной газеты» начинает борьбу за отличное качество книги, за культуру ее оформления, за обеспечение полиграфической промышленности необходимыми оборудованиями, запасными частями, за снабжение отличными красками. Мы выступаем в поход за лучшую подготовку кадров рабочих и специалистов. Нужно поскорее вывести полиграфию на ту широкую дорогу, какая заслужена ею по справедливости в стране высокой культуры, в стране, где печатное слово огромно почтено.

Краска, которая заставляет нас краснеть

Более сорока лет работаем мы вместе, из них вот уже 30 лет — в Первой Образцовой типографии.

Много, очень много книг прошло через наши руки. Десятки, а, быть может, и сотни тысяч книг, художественных альбомов, учебников, наглядных пособий и брошюр оформляли и выпускали мы.

Мы вспоминаем сейчас горячие дни, когда работали над созданием таких книг, как альбом «Современная СССР» и издания, предназначенные для выставок; мы ни когда не забудем правдивых дней, когда трудился над выпуском альбомов наглядных пособий по истории ВЭП(б).

Многие еще могли бы мы вспомнить. Но не об этом хотим мы сегодня поговорить. Наднях наша Родина отразилась свое славное тридцатилетие. С радостным волнением и гордостью слушали мы доклад Вячеслава Михайловича Молотова о пройденном нашей страной пути, о ее замечательных успехах и победах. Товарищ Молотов говорил о нас, о рабочем классе. Он сказал много хорошего и о вас, товарищи писатели. Ваши книги очень убедительно доказывают рост людей.

Мы достигли больших успехов в промышленности и сельском хозяйстве, во всех областях культуры.

Чехов дыбом...

Как полное собрание становится исполнимым

Товарищ редактор!

Прочитав второй том сочинений Чехова, я почувствовал необходимость сделать некоторые замечания — не о произведении писателя, а о технических недостатках книги, и прошу эти замечания опубликовать в вашей газете.

Я получаю второй том полного собрания сочинений А. П. Чехова (Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1946 г.). В этом альбоме, с 256 до 272 стр., творится полная неразбериха.

Рассказ «Сухая правда», начало которого помещено на странице 256-й, не имеет окончания. На странице 257-й, вместо продолжения рассказа, вырывается окончание неизвестного произведения.

Оглавление нам указывает, что на 258-й странице помещен рассказ «8000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка», но, увы, это не так: на странице 258-й — какой-то отрывок.

По оглавлению выходит, что на 260-й странице помещен «Козел или несудья». Но на названной странице кончается заполоучный рассказ без начала.

На 261-й странице по оглавлению находится рассказ «Добротелый кобачик». На указанном месте никакого «кобачика» мы не обнаружили. На этой странице полагается «Красная горка», но указанная ни в оглавлении, ни в алфавитном указателе.

Пас уверяет, что на странице 264-й помещена «Краткая анатомия человека». Но в чем ее суть, мы, к сожалению, узнать не можем — этот рассказ просто не помещен. Зато вместо него расположилась «Допосени».

265—266 страницы вообще не попали в поле зрения издательства. Но на них самовольно разместились заметки «Об апреле».

На 267-й странице, вместо объявленной «Протекция», помещена «Антексарская такса». На следующие четыре страницы втиснула, видимо, беззастенчиво ишоренный «Безнадежный», несмотря на то, что издательство не вносит его в оглавление. На 270-й странице должен красоваться «Отставной раб». Чехов, очевидно, предвидел выпуск настоящего издания и дал своему рассказу подходящее название. Его действительно отставил «Безнадежный» и не признал за бедным рабом права быть на законном месте, определенном издательством.

272-я страница совсем не помечена, но там помещены рассуждения о предстук жизни, к сожалению, без окончания.

Вот мои замечания по полученному тому полного собрания сочинений А. П. Чехова. Если даже такой испорченный том и единичен, то он все равно обезнечивает полное собрание сочинений, на которое я рассчитывал, производя подписку.

Мы не знаем, по чьей вине допущены перечисленные выше дефекты. Но твердо знаем: подобные безобразия не должны иметь места в наших советских изданиях.

Ученик 9 класса «Б» 11-й школы гор. Иркутска Ю. МИРОМАНОВ.

Поэтому мы хотим со страниц «Литературной газеты» сказать:

— Пора начать борьбу за культуру работы полиграфической промышленности. У нас первоклассное оборудование, есть у нас опытные мастера — мы можем и мы дадим стране хорошие книги. Пусть издательства и поставщики полиграфической промышленности обеспечат нас соответствующими материалами. И мы создадим прекрасные, замечательные книги, которые приятно будет взять в руки, книги, достойные нашего читателя, достойные того великого времени, в котором мы живем.

Мастера Первой Образцовой типографии Г. ШУРУШАЛИН, В. ШЕХОБАЛОВ.

Есть четыре завода, выпускающих краски. — два в Москве (директор первого — тов. Турюков, второго — тов. Федоров), один в Ленинграде (директор тов. Гиндель) и один в Уфе (директор тов. Камов), объединяются все эти заводы трестом «Полиграф», которым руководит тов. Гуревич.

Об уфимском заводе, например, рассказывают, что пишется там лежат под открытым небом и засоряются песком, пылью и т. д. Нельзя ли при таком отношении к хранению сырья выпускать хорошие краски? Конечно, нет. Не стыдно ли вам, товарищи уфимцы?

О вальцовый массе. Для хорошей печати

Вера Смирнова Слава Сталинграду

Мглистое, дымное, грозное небо военного Сталинграда открывается перед нами, когда раздается залп. Низкое, тяжелое, оно висит над черепавой небесной Вогу, над разрушенным городом, над поселившимися домами, где дни и ночи советские люди держат оборону. На фоне этого неба, как в тумане, возникают силуэты разбитых, исковерканных зданий, развалины великого города. Но в этих развалинах, зарывшись в землю, заперевшись за каждый выступ, за каждый упавший угол, крепко, стойко держится жизнь.

Художнику спектакля И. Шафрану удалось выразить это основное ощущение неуверенности, непоколебимости стalingрадской обороны, которая помогла советскому народу выстоять и повернуть весь ход войны. Художник сумел добиться того, что страшное разрушение не подавляет, не оглушает нас: нет, это не мертвый город, не Помпей! И глаза невольно ищут, вглядываясь, что еще уцелело, что может служить людям укрытием, огневой точкой, командным пунктом: подвал, где живут командиры, пролет лестницы, балкончик, где поставлен пулемет, огромное жерло подземной трубы, где помещается штаб полка. Люди живут и на войне — словно хочешь сказать художник и показывает, как бойцы «обивают» тот клочок земли, где им надо стоять до конца.

Суров и труден был войны, невероятно тяжел труд солдата, смерть грозит на каждом шагу, но советские люди остаются людьми и на войне. В подвале разрушен-

«Дни и ночи» К. Симонова на сцене МХАТа

ного дома в короткие промежутки между двумя атаками наступающих фашистов идут споры о зеленых насаждениях, испытывается дружба, распахивает глубокая и нежная любовь; люди думают, мечтают, радуются, страдают, учатся, спорят, шутят — продолжают оставаться самими собой. «Дни и ночи, дни и ночи, дни и ночи мы водем, — говорит политрук Ванин, — и наши люди остаются людьми».

Подлинная человечность, высокая сознательность, моральная чистота и самоотверженность советских людей и дали им силы выстоять, вынести все тяготы стalingрадской обороны и победить. Словами коммуниста Ванина театр выразил основную мысль спектакля «Дни и ночи».

Семнадцать картин (драматургическая композиция А. Визера) представляют собой сцены из повести, в которых особенно ясно видны простые советские люди на войне: их умение воевать, их способность смотреть вперед, в будущее, их готовность отдать себя родные, чистая жг в радости, к счастью, и строгая дисциплинированность, и удивительное чувство высокого товарищества, настоящей человеческой дружбы, связывающей крепче родства по крови и принадлежности к одной нации. Перед нами на сцене, в сущности, происходит история одного стalingрадского батальона — его командиры и солдаты, его боевые дела, его победы и его потери, его горести и радости. История любви Сабурова и Ани вылетена в общую сюжетную ткань так естественно, судьба любящих так связана с общей судьбой, что ее невозможно выделить. В этом большая женская правда и подлинный талант нашего искусства. В спектакле МХАТ, поставленном М. Кедровым, война — не фон для любовного приключения или для личной драмы, как часто бывало и бывает в книгах и пьесах зарубежных писателей. Показывая нам судьбу одной маленькой военной части на одном из участков Стalingрадской битвы, театр стремился к общечеловеческому, реша проблему войны и победы, пытаясь показать, в чем наша сила.

Думается, что повесть К. Симонова давала во многом тот самый материал, которого давно ждали актеры Художественного театра. Возможность показать советских простых людей, их душевную красоту, их новый своеобразный облик должна была пленить театр. Видно, что театр с любовью, с большим внутренним трепетом воплощал образы героев повести Симонова, следуя лучшим своим традициям — своеобразному театральному демократизму, равноправия персонажей, тщательной отделе больших и малых ролей.

Сабурова играет В. Макаров. Это первая его роль в МХАТ. Внешнее и внутреннее совпадение его с героем спектакля несомненно. Он словно не играет Сабурова, а носит его в себе: он правдив и убедителен и в сценах боя, и у себя в биндаже, с то-

варишами и с Аней. Но именно Макаров заставляет задуматься о несовершенстве драматургического материала. Актеру явно недостаточно тех скупых и отрывочных знаний о Сабурове, которые дает ему драматург. Актеру приходится сдерживать, обещать себя, играть словно вопреки, в полсилы.

И. Голенава лет убедительный образ юной Голосы Ани, в котором удивительно сочетаются суровое мужество, почти детская доверчивость и глубокая нежность женщины. Но тоже слишком скупо отпущено ей поступков, действия, движения, выражения чувств. В сущности, автор дает ей высказаться сразу в первой же картине, рассказав об ее юности, самоотверженности, мечтах и идеалах, а потом в течение всего спектакля она словно не смеет обнажить себя, и только голос, только глаза, неуверный, общеполный, своеобразный, остается надолго звучать в ушах и заставляет жалеть о чем-то неизбежном, как та «живая вместе, вместе», которой Аня так настойчиво и жалко просила.

В других образах спектакля перед зрителем как бы проходит весь «яркий история» Советской Армии от рядового бойца до генерала, очень хорошо показана работа каждого, типичность его и характерность. Была бы смириться на старого солдата Кононова (Л. Орлов), на подполковника Ремизова (В. Тюрков), на генерала-майора Приченко (А. Гривов), на подполковника Бабченко (А. Жильнов), на лейтенанта Малащенко (В. Трушин), на ординара Петю (И. Сухарев). — все они кажутся прежде всего убедительными как военные.

Пропенко у Гривова — подлинный генерал новой, советской формации, выросший

в крупном полководца стalingрадской школы в период Отечественной войны.

Комиссар Ванин (Н. Дорохин) всем своим обликом являет типичного партийного работника. Все время ощущаешь, что этому человеку привычны постоянная забота о множестве людей и забвение самого себя.

Но среди военных людей он один сохраняет некоторую «интеллигентность», и этим словно подчеркивается его страстная мечта о будущем послевоенном Стalingrade, о мирном труде советских людей.

Особое место занимает в спектакле яркая, запоминающаяся фигура Кононова в мастерском исполнении Л. Орлова. Его Кононов — не только старый бывалый солдат, который умело хойничает в роте, как истый русский крестьянин, но в нем есть еще и черты современного старшины Советской Армии наших дней. Этот образ, подлинно народный, проникнутый лукавым, искрившимся юмором, — большая удача замечательного артиста и спектакля в целом.

Есть у актеров в «Днях и ночах» то, что объединяет их всех, что скрепляет и держит весь спектакль, — это единственное чувство, с которым играет каждый: каждому приятно, независимо от значительности изображаемого лица, играть хороших, верных, человеческих советских людей, радостно ощущать себя одним из этих людей, радостно воплощаться в героических запитников Стalingrada. Чувство гордости за стalingрадцев наполняет каждого из участников спектакля, переливается со сцены, заполняет зрительный зал, создает своеобразный апофеоз городу-герою, и это живое напоминание о Стalingrade, театральная слава ему — может быть, самое большое достоинство спектакля.

«ГАЛЕРЕЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ»

Издательство Государственного Литературного музея выпустило десятисчастным тиражом первую серию альбома «Галерея советских писателей». В альбом вошли 55 портретов выдающихся писателей русской и братских литератур работы художника А. Яр-Кравченко.

Альбом издан на прекрасной бумаге, сделанной по особому заказу, и снабжен краткими биографическими сведениями о писателях, портреты которых помещены в «Галерею».

Издательство Государственного Литературного музея намечает выпустить следующую серию портретов советских писателей, поэтов, драматургов, критиков, публицистов.

Новая постановка в театре им. Ленинского комсомола

В ближайшее время Московский государственный театр имени Ленинского комсомола покажет комедию Ф. Т. Кравченко «Жаркое лето». Пьеса молодого драматурга, удостоенная третьей премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую современную пьесу, рисует послевоенную колхозную деревню и ее переломы людей, борющихся за высокий урожай, за внедрение агрономической науки.

Руководитель постановки — народный артист РСФСР и УзССР И. Н. Берснев, режиссер С. Л. Штейн, художник В. А. Шестаков, композитор лауреат Стalingрадской премии Н. П. Будашикин.

1. «СЛОВО О МОСКВЕ». Гослитиздат, 1947 год, 342 стр.

Среди книг, вышедших к 800-летию столицы, книга «Слово о Москве» — одна из самых значительных. Хорошо, празднично изданная, она повествует, главным образом, о могучей истории Москвы советской.

«Величественной, необъятной и неповторимой является Москва из-под крыльев самолета, и всякий раз радостно вздрагивает сердце, когда видишь эту ширь и мощь нашей советской столицы», — этими словами начинается Николай Тихонов свою статью «Столица», открывающую книгу.

Гордо и важничает говорят Ф. Гладков и А. Серафимович о Москве, как о светоче коммунизма, о Москве, как о центре духовной жизни русского народа, как о городе-борце за свободу, независимость, культуру и национальное достоинство нашего отечества.

Яркий образ Москвы строится и обновляется, Москва молодеющей и расширяющейся встает перед нами в своеобразных очерках-воспоминаниях Л. Леонова, Анны Караваевой, Мариэтты Шагинян, Н. Ляшко. С подкупающей искренностью свидетели и очевидцы рассказывают о превращении старой Москвы в Москву новую, социалистическую.

Величественно выглядит спокойный и строгий лик Москвы в очерках военной поры. Нельзя без волнения перечитывать строки из статьи А. Толстого «Москва угрожает врагу»: «Черная тень легла на нашу землю. Вот пошла теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей родины!.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страха голову, перед мордастым, свирепым лавочником на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозившим добрый вечер до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье родины моей, забить навсегда священные иди чужеземности и справедливости — все, все прекрасное, высокое, очыщающее жизнь, ради чего мы живем? Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»

Поэтично и мужественно пишет о Москве 1942 года К. Симонов. Печать торжественного, сурового времени лежит на рассказе В. Коженникова о девушках, строивших в годы войны метро четвертой очереди. Живо встает в памяти незабываемые, героические дни смертельных схваток с врагом в очерке И. Эренбурга «Второй день Бородяна».

Летопис подвиги нашей столицы завершают живописный очерк Вс. Иванова «Гаррад бессмертной славы» и отличные, привлекающие своей исторической, фактографической точностью очерки Т. Эсс и Е. Кригера.

Далеко, со всех сторон света, виден яркий свет кремлевских звезд. Москва Ленина и Сталина непобедима! С такими возвышенными и жаркими мыслями закредует эту гордую и нужную книгу благодарный советский читатель.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

2. ФЕДОР БЕЛКИН. «РОДНОЙ ПРОСТОР». «Московский рабочий», 1947 год, 62 стр.

Вместе с колхозным урожаем наша страна собрала в этом году и немалый урожай литературный. Завуцало несколько свежих, звонких голосов, поющих о радости коллективного труда, о новом в деревне.

Среди этих произведений обращает на себя внимание маленькая книжечка стихов Федора Белкина «Родной простор». Первое же стихотворение «Партизанская «свадьба»» заинтересовывает читателя острым сюжетом и легкой, непринужденной манерой повествования.

Перелистывая страницы книжки, видишь, что у Федора Белкина есть не только своя тема — новый, уже утвердившийся и ставший бытом колхозный мир, но и свой голос.

Сергей ЛЬВОВ

Голос этот негромкий, но чист и по-хорошему напевный. Иногда кажется, что стихотворения Белкина написаны для детей, но это те стихи для детей, которые интересны и взрослым.

Эта простота позволяет нам рекомендовать Детизму поэзию Белкина со стихами Белкина: детская литература может найти в нем своего автора.

К лучшим произведениям сборника можно отнести «Кузнечи».

Кузнечи куют в колхозе Так, что слышно за рекой, — Значит, силовую богатую, Значит, музыкалу тут. Режут стигар за лопаты, «Фединачда» — на плуги.

Это ощущение радости и победы труда делает значительными многие стихи молодого автора. Белкин хорошо чувствует природу, рисует человека, как ее хозяина и творца.

К сожалению, вкус нередко изменяет поэту.

Стихотворение «Всадник» производит неприятное впечатление. Девушка, опоздавшая на свидание... подбегает окурку, брошенной мальком, и докуривает папироску. С чувством досады за автора и за редактора прочитаю мы это стихотворение в сборнике. Белкину не удалось не только стихотворение о всаднике, но и некоторые другие, например, стихотворение о коне.

Сколько шерсть улетело С твоего большого тела

— пишет он, обращаясь к коню и вызывая недоумение у читателя.

Хочется пожелать Федору Белкину, чтобы он, участвуя в сборниках стихов, отбирал слова так, как отбирает агроном сорное зерно. Его стихи выросли на хорошей почве, способности поэта несомненны — следовательно, все дело в упорной, кропотливой работе.

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

3. ЛЕВ КОНДЫРЕВ. «ЖАР-ПТИЦА». Стихи. «Молодая гвардия», 1947 год, 108 стр.

Противоречивое чувство вызывает сборник стихов Льва Кондырева «Жар-птица». Поэт знает суровую природу Сибири и Урала. Это привлекает романтика будничного труда моряков, зверобоев, шахтеров. Он чувствует простую красоту народной песни. Все это определяет достоинство лучших произведений книги. Стихотворение «У мыса Хобей» в свободной песенной манере рассказывает о незаметном подвиге байкальских моряков.

Запомните читателю стихотворение «Монолог»: «Птица сойдет, товарищ по колхозу за героя сами поселит рожь. И взошли семена воле твоей левая. Где когда-то пахал солдат. Поразились горы, и встал ледом Монологу ему золотой».

Но в ряде стихов Л. Кондырева романтика действительности уступает место книжной традиционной романтике. «Заселка рыба в Энхалуке» — так, подчеркивая прозаически названо одно из стихотворений. Но это — лукавая простота, потому что все произведение построено на игре в рифмы.

Много холодных книжно-архаистических строк в циклах «Жар-птица», «Новеллы». Раздражает в стихах, Пиджак дышит И тлеет Со все стороны. Проходит минута...

Держась за стену, Сказал человек, привстав: — Болели, Закончен эксперимент, Я спел, — Ты возьми! — Но шпав!

Так заканчивается стихотворение «Эксперимент», об ученом, ослепшем во время зпыта. И намеренная прозаичность, и ухарское «чорт возьми» принадлежат к традиционным, но обветшавшим аксессуарам баллада, рожденных не романтикой жизни, а романтической книги. Превращая людей и действительность в повод для формальных уражнений, поэт терпит поражение: являются стихи, которые не могут ни заинтересовать, ни возлюбить читателя.

Сергей ЛЬВОВ

4. Н. МИХАЙЛОВ. «НАД КАРТОЙ РОДИНЫ». «Молодая гвардия», 1947 год, 263 стр.

Книга Н. Михайлова «Над картой родины» — живой рассказ о великих переменах, сделавших неузнаваемым лицо нашей страны.

«О бедности огромной отсталой страны, о скрывавшихся людях, о неиспользованных богатых возможностях говорила карта старой, царской России. О расцвете хозяйства и культуры, об обожлении страны, о росте ее могущества, о новой, социалистической жизни рассказывает нам карта Советского Союза».

Да, Русь ныне не та! Не та, какой она была до Октября 1917 года. Выросла и обновилась наша страна, и облик ее стал иным».

В этих словах выражено основное идейное содержание книги, раскрытое автором на сотнях ярких примеров. В условных знаках и штрихах географической карты автор сумел прочесть историю 30-ти лет советской власти. Рассказ о сегодняшнем дне, о великих итогах сталинских пятилеток сливается с рассказом о будущем. Мы читаем о чудесных мичуринских садах, о яблонях, стелющихся по сибирской земле, и об овощах в тундре, о целой цепи электростанций на Волге, о новых цветущих землях в безводной пустыне Кара-Кум.

Книга Н. Михайлова учит любить свою Родину. Вызывает чувство гордости своей социалистической державой. Эту книгу с интересом прочитают советские люди.

Г. ПОМЕРАНЦ

5. В. ФОМЕНКО. «ОБЫКНОВЕННЫЕ ЛЮДИ». Очерки. Ростовское областное книгоиздательство, 1947 год, 126 стр.

Небольшая книжечка о людях колхозного села родилась в результате поездок автора по Целинскому району Ростовской области. Этот район быстро поднял свое хозяйство из руин и пепла и достиг в 1946 году по посевным площадям уровня, установленного пятилетним планом на 1950 год.

Подкупает искреннее восхищение автора большим созидательным трудом колхозников, стремление проникнуть во все детали, во все мелочи повседневной колхозной жизни и показать значительность, поэтичность труда колхозника, чабана, садовника.

В. Фоменко рассказывает об отгородке Сасове. Это беспокойный, любознательный человек, сумевший подчинить себе природу: в знойное, засушливое лето, без поливки, прямо в степи, он выращивает огурцы.

Никто не верил, что в гонимой Целинской степи могут расти фруктовые деревья. Верил один старый садовник Гузий, верил и работал, и скоро прекрасные сады и виноградники окружили степной колхоз.

Хороший замысел В. Фоменко был осуществлен удачно, если бы его было выполнено иногда не мешало странное стремление автора упростить своих героев. Постоянными повторениями об их «непримечательности», небрежно, часто натуралистической обрисовкой портретов писатель, сам не желая того, обедняет людей советской деревни.

Ив. КАРАБУТЕНКО

Читайте СОЗВЕДИЕ. Титульный лист книги Е. Долматовского работы худ. Л. Файнберг (Детизма).

Шестой перевод «Дон-Жуана» Байрона

«Дон-Жуан» — последнее и самое крупное по объему и широте замысла произведение Байрона. Поэма осталась незавершенной, она оборвалась на 11-й песне. По замыслу Байрона, Дон-Жуан должен был закончить свои дни в утробе восточного народа в Париже, сошедшей революцией. Это вполне совпадает с высказыванием поэта, что лишь когда революция способна очистить землю от ада. Не знаю, кто и в ней победит, но даже без этого знания я беру в первые ряды... Я пою — боже, храни короля и королеву, ибо уж эти ты, господи, переиначил их охраняю, то кто же это сделает, — сомневаюсь, чтобы люди! Чувствую мне, слышится мне, чарикет маленькая пичка и поет о том, что простой народ становится все сильнее и сильнее! Эти строки написаны в начале прошлого столетия человеком, вышедшим из среды самой старинной, самой нагневной и жестокой аристократии в мире — английской.

Революция Европа считала пому «Дон-Жуан» преступной. Байрону предлагали при издании поэмы в Англии выгнать такие места: «Горло почтительно оскубит одну стигиванную слезу, чем яростно море кроваво: требовали врать то место, где английская королева Елизавета вменяется полудомоуздной королевой; вычеркивали строки: «Дети Ирландии тамят от голода, а Георг английский весит уже четырнадцать пудов».

На русский язык «Дон-Жуан» перевелись в 5 раз два раза поэты — Капшным и Соколовским, три раза в стихах — Минаевым, Коаловым и Кузьминским (последний пошлость не опубликована). Наибольшее распространение получил перевод П. Пастернака, сделанный около 60 лет назад. Перевод этот крайне неточен.

Перевод поэмы, насчитывающей около 16 тысяч строк, представляет большие трудности. Автор шестого перевода «Дон-Жуана» Георгий Шенгелая рассказывает:

«Чтобы подойти к этой работе во всю серьезность, я предпринял, — теперь признаюсь в этом, — учебную работу в виде перевода всех поэм Байрона от «Гуара» до «Острова». Мне надо было вникнуть в Байрона, пощипаться ватури овладеть его творческой манерой».

Г. Шенгелая работал над переводом поэмы несколько лет. Сейчас книга вышла в Гослитиздате тиражом в 55 тыс. экз. с прекрасными рисунками Г. Етесстова.

НА СНИМКЕ: перелет книги и одна из иллюстраций.

Встреча польских писателей с литераторами Москвы

Тепло и сердечно прошла в Центральном доме литераторов встреча делегации польских писателей с виднейшими поэтами, драматургами и прозаиками столицы. Открывая вечер, заместитель генерального секретаря Союза советских писателей СССР К. Симонов сказал, что приезд в Советский Союз лучших представителей современной польской литературы, как и недавнее пребывание в Польше советских писателей, значительно способствует укреплению творческих связей между братскими литературами двух славянских народов.

В своем ответном слове руководитель делегации Леон Круковский с восхищением говорил о великом созидательном труде советских людей, о прекрасной столице СССР, которая вот уже 30 лет является духовной столицей мира.

— Мы приехали сюда, как друзья к друзьям, — сказал Л. Круковский. — Мы

уезжаем отсюда, как активные борники братской дружбы наших народов. Другими аплодисментами встречают присутствующие эти слова. Затем с чтением своих произведений выступают гости — польские писатели Софья Налковская, Станислав Добровольский, Северин Поляк, Войцех Жукровский, Ян Котт.

Сообщение о большом количестве переводов польской литературы в Советском Союзе сделал М. Живов. Переводы произведений польских писателей прочитали П. Антокольский, Н. Тихонов, М. Зенкевич, А. Сурков, В. Луговской, А. Межеров, Л. Мартынов.

В заключение вечера выступила солистка оперно-драматического театра им. Станиславского С. Соловьева. Она исполнила несколько романсов на слова польского поэта Юлиана Тувима.

ВЕЧЕР ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Это был очень интересный и своеобразный вечер. В нем перемешивались стихи, лирические воспоминания, пожелания, советы, весьма суровая критика, намечались перспективы будущего. Доотказа переполненный зал реагировал на все чрезвычайно бурно и по-молодому.

Вечер трех поколений — так можно было бы назвать это оживленное собрание в Центральном доме литераторов, посвященное встрече студентов Литературного института с окончившими институт и его преподавателями.

Формально — нечто вроде юбилея, но за всем этим вставала очень большая тема — преемственность нашей литературной культуры, поиски будущего, пафос творческой дружбы.

Десять выпусков уже дал Литературный институт. Вот далеко не полный список окончивших институт:

Поэты К. Симонов, М. Алигер, С. Михалков, Е. Долматовский, М. Матусовский, С. Васильев, П. Воронько, М. Луконин, А. Раскин, А. Недогонов, А. Яшин, В. Захарченко, С. Нарочатов, Л. Ошанин, Я. Сашин, прозаики В. Авдеев, Б. Ямпольский, Е. Мальцев, А. Коптьева, Л. Жариков, критики Л. Скрягина, А. Макаров, Б. Рунин. «Многие бывшие студенты Литинститута получили всеобщую и почти мировую известность. Их знает народ, но далеко не все знают, что они воспитанники института», — так сказал во вступительном слове А. Твардовский.

Говорили много и страстно. «Старые» воспитанники вспоминали яростные споры в коридорах и аудиториях своей «alma mater», атмосферу крепкой, незабываемой на всю жизнь дружбы, учебную, студенческую жизнь. «Конечно», — говорит М. Алигер, — где бы ни учился, я все равно была бы поэтом, но Литинститут был для меня большой творческой школой. Об этой же «литературной закалке» тепло вспоминает Е. Долматовский.

Как прошла учеба более позднего поколения? Она превращалась фронтами и снова продолжалась с неуклонным упорством. П. Воронько, говоря о своей военно-литературной школе, в которой так своеобразно чередовались партизанские отряды Ковалева и аудитория Литинститута, высказывался:

Долой пошлость!

Излишне декоративная американская кинолента нагло утылабас с фотографией. Обычная заграничная полупрозраграфия. Переворачиваем открытку — крупный штамп: «Могиз. Магазин № 50. 5 руб.»

Так началась история одной открытки. Вернее, тысячи открыток, которыми завалены газетные киоски, ларьки, книжные магазины. Зайдите в московский кинотеатр «Шторм». Здесь вы можете приобрести рождественских ангелочков с надписью «Женечке», «Сашеньке», «Тамарочке» и усатого молодца, целующего томную деву. Эту пошлость поставляет Истринский райкомкомбинат.

Спекулируя на любви советских зрителей к кинематографии, театру, спорту, изготовлением открыток с портретами популярных актеров, футболистов, спортсменов занялись охотники легкой прибыли. Миленкие плохие фотографии продаются по 3—5 руб., тогда как лучшие цветные открытки Третьяковской галереи с репродукциями Репина, Сурикова, Айвазовского стоят 50 коп. К доходящему занятию приложили руку и Главлиткуртснадб и Центральная театральная касса, и стадион «Динамо», и десятки карикатурных организаций, вплоть до... Шелкозской спонжной артели.

Как это делается? К председателю товарищества «Загорский художник» Осташкину явился некий Ватов и предложил открыть «дело». И вот, в Москве, в каком-то под-

валет горячее желание, чтобы на его родной Украине был тоже создан литературный институт.

Об особом профиле единственного в мире института говорили его преподаватели, воспитанники и руководители Союза советских писателей.

Каким должен быть институт? «Мы в упор занимаемся сейчас этим, мы будем распространять и строить Литинститут», — говорит Константин Симонов и, как и большинство выступающих, заканчивает свое речь новыми стихами. «Многое было сделано за эти годы, но мы еще далеки от совершенных форм воспитания литературных кадров», — справедливо замечает А. Твардовский, призывая к созданию и поддержанию лучших традиций института, к постоянному литературно-творческому общению всех поколений Литинститута.

За страстную жажду, великое стремление к большой учебе горячо ратовал П. Антокольский. О столь же страстном отношении к творческой работе говорит С. Васильев, вспоминая близкий всем нам пример Н. Островского. Л. Субоцкий оставался на тех недостатках, которые мешают учебной и творческой работе студентов.

Руководители института В. Сидоров и Г. Бровман, приводя данные о работе института, подтверждали владевшую всеми мысль о поисках новых путей. Литературный институт должен стать подлинной лабораторией писательского мастерства нашей новой смены.

Было много стихов: поколения чередовались в поэзии, как и в речах. Выступали К. Симонов, М. Алигер, Е. Долматовский, А. Безыменский, В. Луговской, П. Воронько, М. Матусовский, Г. Поженян, Я. Сашин, В. Солоухин, Н. Гребнев, Г. Шергова. Большие штыи выставки, полные книг, журналов и газет, убедительно доказывали плодотворность работы воспитанников и студентов Литинститута.

Сейчас в институте пришло военное поколение, имеющее за собой трудные и героические годы, большую школу жизни. Мы вправе требовать от них многого.

За вечную молодость нашей поэзии провозгласил здравия Н. Тихонов. Шумно, интересно, молодом пролет этот, в сущности, очень серьезный вечер.

В. ЛУГОВСКОЙ

В Союзе советских писателей СССР

Секретариат Союза советских писателей СССР решил созвать 15 декабря расширенное заседание президиума Союза писателей. В повестке дня — обсуждение новых произведений для выдвижения кандидатов на соискание Сталинских премий в области художественной литературы за 1947 год. В комиссиях и секциях Союза писателей началось предварительное обсуждение произведений, опубликованных в нынешнем году.

В связи с празднованием 30-летия советской власти на Украине в Киев на днях выезжает делегация писателей в составе: К. Симонова, А. Суркова, П. Антокольского, Л. Леонова, Н. Тихонова, А. Твардовского, Л. Соболева, А. Софронова, А. Безыменского и Г. Ярцева.

В Союзе советских писателей СССР образован ряд новых комиссий по различным жанрам и отраслям литературы.

В комиссии по военно-художественной литературе работают 19 писателей. В составе бюро: Вс. Вишневский, П. Вершигоров, С. Васильев, Е. Долматовский, В. Панов, Л. Субоцкий и Л. Шапиро. Основная работа комиссии в течение ближайших месяцев будет посвящена подготовке к 30-летию Советской Армии.

Образована комиссия по журналам и издательству. В ее составе: К. Потапов (председатель), О. Резник (зам. председателя), Е. Клинович, С. Бабенничева, Ф. Левин, А. Лацис. В юбилей секретариат Союза писателей заслушает доклады представителей редакции журнала «Звезда» и издательства «Советский писатель». С докладцами на эти темы выступят члены комиссии.

В комиссии по работе с молодыми авторами — 35 писателей. В бюро комиссии вошли: А. Твардовский (председатель), П. Антокольский, К. Паустовский, С. Нарочатов (заместители председателя), П. Воронько (отг. секретарь) и М. Луконин. Весной 1948 года будет созвано всесоюзное совещание молодых авторов.

Вчера в Новосибирск для участия в меж-областной Новосибирской конференции писателей выехала делегация ССП в составе А. Караваевой, Л. Сейфуллиной, Я. Смелякова, М. Никитина, М. Чарного и С. Васильева.

ПОВЕСТЬ В СТИХАХ О СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНЕ

На очередном собрании поэтической секции Союза писателей была прочитана повесть в стихах Александра Яшина «После войны».

А. Яшин поднял обычную, казалось бы, тему: возвращение советских воинов с войны домой, с родной колхоз. За последнее время три крупные поэмы написаны об этом: «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Колхоз «Большевик» Н. Гривачева и «Весна землеробов» В. Замаятина. Однако повесть А. Яшина только внешне напоминает названное произведение. В самобытности его стиха, в сложности психологических характеристик героев, в жизненной правдивости их конфликтов, в показе руководящей роли партии, ярком отображении силы колхозного коллектива заключается, с моей точки зрения, преимущество новой повести.

Мнения товарищей, выступивших на обсуждении, в общем, сошлись. Они отметили большое художественное и политическое значение произведения. Ю. Либлинский, положительно оценивший повесть в целом, указал на несколько неточную характеристику одного из ее персонажей. М. Алигер и А. Коваленко говорили об особенностях стиха А. Яшина, о живой речевой интонации в диалогах.

Почти все указывали автору на вялость, затупленность первой главы, на то, что повесть нуждается в доработке. С. Васильев подчеркнул, что автором не использованы все богатство поэтических красок, которыми он владеет. П. Антокольский считает, что вся повесть должна быть доведена до наиболее удачных ее частей, где поэт достигает почти виртуозного владения стихом.

Павел ШУБИН.

Плакаты на письмах

НОВЫЕ ПОЧТОВЫЕ МАРКИ

Министерство связи СССР отметило 30-летие Октября очередным выпуском художественных почтовых марок. Серия состоит из трех марок — в 30, 50 и 60 копеек. Первая из них посвящает штурм Зимнего дворца. Идею второй марки выражает надпись: «СССР — могучая индустриальная держава»; сюжет рисунка третьей марки: «СССР — страна передового сельского хозяйства».

До Октябрьской революции в России было выпущено всего 128 различных марок, а за 25 лет — с 1921 по 1946 годы — в СССР вышло в свет свыше тысячи почтовых марок различных видов. У нас есть прекрасные, графически красиво выполненные серии и отдельные марки, посвященные великим революционерам, классикам литературы, корифеям науки, народам СССР, Сталинской Конституции, Советской Армии. Полным шедаром советской графики малых форм являлся исполненная в несколько красок серия в честь 800-летия Москвы.

Правдивые крошечные плакаты проникают во все уголки мира и рассказывают о достижениях СССР, о строительстве социализма, о культуре советского народа. В летках иностранных филателистических газет, журналов, каталогов регулярно появляются описания всех новых советских почтовых марок, даются переводы и объяснения приводимых на них лозунгов, надписей, исторических дат.

Наши марки пользуются неизменным спросом за границей. Они вызывают злостью и негодование у врагов, восторг и гордость у наших друзей во всем мире.

Редакция «Литературной газеты» выражает благодарность артистам, принявшим участие в вечере «Литературная газета», посвященном 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции: народной артистке РСФСР С. Г. Бирман, народной артистке РСФСР В. Я. Хенжину, заслуженному деятелю искусств К. А. Эрдели, заслуженному артисту РСФСР Д. П. Кара-Дмитриеву, заслуженному артисту РСФСР и Узбекской ССР Б. Н. Толмазову, М. Н. Гаркави, А. И. Шурову, Н. Р. Рыкунину, В. А. Голубеву, Э. Л. Зеркальниву, А. М. Леняной и композитору М. Е. Табачникову.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Книга о заговорщиках против демократии

В Париже вышел в свет новый роман Элиза Триоле «Вооруженные призраки» («Les fantômes armés»). Роман как бы является продолжением книги Триоле, написанной в годы борьбы с немецкими оккупантами.

Среди писателей Сопротивления Элиза Триоле занимала почетное место. В течение нескольких лет она рука об руку с Луи Арагоном вела в подполье работу среди французской интеллигенции. Она устанавливала связь с подпольными национальными комитетами писателей, журналистов, учителей, ученых, врачей, принимала участие в организации подпольных типографий и распространении подпольной литературы, писала статьи, очерки, рассказы, повести. Автор книги о Владимире Маяковском, вышедшей еще до войны, Элиза Триоле систематически пропагандировала советскую литературу во Франции.

Триоле редактировала подпольную партийную газету. Часто она принимала по радио зашифрованные сигналы, призывающие партизан к тем или иным активным действиям, и передавала их в отряды. Как партизанка посылала писательнице проследить, не будет ли произнесена по радио фраза: «Разговорное сукно стоит 200 франков». Эта шаловливая фраза, которую можно прочесть на стене в миллиардах, была условным шифром. Она означала: переодите к действию! Однажды эта фраза была произнесена, и в тот же день была передана партизанам, послужила сигналом для вооруженных выступлений против оккупантов в немецком тылу.

Эта фраза «Разговорное сукно стоит 200 франков» стала названием повести Элиза Триоле, рассказывающей о партизанской борьбе. Повесть была удостоена Гонкуровской премии. Впервые во Франции эту премию получала женщина.

Повесть Элиза Триоле, посвященная французскому подполью, борьбе партизан, показывая образы героев и героинь Французского Сопротивления. В повести «Авиньонские любовники» Триоле сумела создать привлекательный образ простой, скромной, отважной французской женщины Жюльетты, беззаветно посвящающей жизнь борьбе с немецкими оккупантами.

Произведения Триоле, наряду с книгами Арагона, Эюара, Шамсона, Муссиака, были лучшими книгами с героических дней Сопротивления.

После освобождения Франция Элиза Триоле, как и Луи Арагон, продолжает борьбу с французской реакцией, с писателями, пропагандирующими старую идею

А. ИСБАХ

«искусства для искусства». Борьбе с реакцией, подавляющей во Франции голову, посвящен последний роман писательницы «Вооруженные призраки».

В основе романа лежат реальные факты французской действительности. После окончания войны произошел разрыв между различными социальными и политическими группами Франции, связанными в период сопротивления и борьбы за освобождение страны. Движение Сопротивления не было монолитным. Оно объединило не только подлинных представителей французского народа, в движении принимали участие и дегеглевские авантюристы-элементы, опиравшиеся на англо-американскую поддержку и помощь французских капиталистов. После освобождения Франция дегеглевцы постепенно сбросили маски и обнажили свое истинное лицо — врагов французского народа и демократии. Выполнили из целей бывшие коллаборационисты, петзионы, сотрудники Гитлера. Дело дошло до того, что во многих французских департаментах задерживались и заключались в тюрьмы активисты движения Сопротивления из числа вольных стрелков, партизан, коммунистов. Их бросали в тюрьмы во имя исполнения приговоров, вынесенных оккупационными или вишинскими властями... Органы дегеглевского министерства юстиции добились ареста генерального секретаря объединения профсоюзов Парижского района Эжена Энаффа. Основанием для ареста послужил злостный приговор, вынесенный Энаффу петзионским трибуналом после его побега в 1941 году из гитлеровского лагеря в Шатобриане. В новом романе Триоле показывает самых различных представителей французской реакции.

Главное действующее лицо романа — Анна-Мари Белланже — одна из героинь предыдущей книги Элиза Триоле «Никто меня не любит». Анна-Мари связала свою судьбу с лучшей частью французского движения Сопротивления, которая была близка народу, коммунистам, принимала участие в боевых делах партизан.

Книга начинается возвращением Анны-Мари с колоннальных островов, где жила ее семья, с которой она рассталась еще до войны и не видела ее несколько лет. — в Париж. Выросшие в разлуке с ней дети, дочь и сын, стали чужими, мелкими,